

Т. В. ПОПОВА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЧИНЕНИЯ ЕВСЕВИЯ КЕСАРИЙСКОГО VITA CONSTANTINI

Из заключительных слов главы 11 первой книги сочинения Евсевия Кесарийского, которое издатели и исследователи не вполне справедливо называют «Житием Константина»¹, явствует, что автор написал его вскоре после кончины первого христианского императора, последовавшей в мае 337 г. Чтобы уяснить значение творчества того или иного писателя или, как в данном случае, его сочинения в историко-литературной ситуации той эпохи, необходимо рассмотреть, как вписывается это произведение в общую картину литературного процесса того времени.

Духовная жизнь Римской империи III — первой половины IV в., при всей ее противоречивости, концентрировалась все же вокруг одного главного вопроса, касавшегося сути вероисповедания. Защитники политеизма стремились противопоставить набиравшему силу христианству свои идейно-эстетические достижения, поднимая на щит многовековые традиции древней эллинской литературы, философии, истории. В греческой языческой литературе этот период был последним, заключительным в том направлении ее развития, для которого характерны признаки «эллинского возрождения».

В тесном соприкосновении с богатейшей по своему творческому опыту и многовековым традициям в области художественного выражения языческой литературой, с I в. н. э. существует противоположная ей по идейной направленности литература христианская без твердо установившихся собственных литературных традиций. В течение первых двух с половиной веков в силу ряда причин она дала немного высокохудожественных произведений. Между тем христианские авторы все более и более убеждались в необходимости противопоставить своим идейным противникам такие произведения, которые превосходили бы их не только силою мысли, но и силою слова. И тогда огромный авторитет древней греческой литературы с ее богатейшим арсеналом выразительных средств, а также тесное взаимное общение христиан и язычников в жизни (христиане учились в школах у языческих риториков и изучали языческую литературу), утонченный вкус образованных язычников к художественной стороне произведений словесного творчества — все это способствовало тому, что христианские авторы стали учиться формальному владению словом у писа-

¹ *Eusebii Pamphili Vita Constantini et Panegyricus atque Constantini ad sanctorum coetum oratio. Rec. . . Fr. A. Heinichen. Lipsiae, 1869; Eusebius. Über Constantins Leben. — Constantins Rede an die Heilige Versammlung. — Tricennatsrede an Constantin. Hrsg. von I. A. Heikel. Leipzig, 1902; I. A. Heikel. Kritische Beiträge zu den Constantin-Schriften des Eusebius. Leipzig, 1911; Fr. Winkelmann. Die Textbezeugung der Vita Constantini des Eusebius von Caesarea. Berlin, 1962; R. Farina. L'impero e l'imperatore cristiano in Eusebio di Cesarea. Zürich, 1966.*

телей чуждой им идеологии, прежде чем начали поиски новых возможностей художественного выражения.

В конце III—начале IV в. в христианской философско-богословской и художественной литературе выдвигается фигура Евсевия Памфила, епископа палестинской Кесарии (260/264—339 гг.).

Значение Евсевия как писателя и христианского идеолога трудно было переоценить не только его современникам, но и потомкам. Уже в первых своих сочинениях — «Хронике» и «Церковной истории» — «отец» христианской истории обосновывал законное место христиан во всемирной истории. Необходимость такого обоснования вызывалась тем, что враги христиан (язычники, иудеи, не принявшие христианства, и христиане-еретики) отрицали правомерность христианской религии в системе религиозных воззрений народов, населявших известную в ту эпоху часть вселенной. Страстный апологет христианства, Евсевий выступил с опровержением самого опасного для его современников-христиан врага — Порфирия, автора сочинения «Против христиан». В ответном сочинении «Против Порфирия» и в историко-богословском труде «Евангельское приготовление» он разбил концепцию Порфирия, защищавшего политеизм.

Но значение Евсевия не только в том, что он первым из христианских историков поведал об истории христианской церкви от ее начала до 324 г. Метод его исторического повествования, выкристаллизовавшийся в результате филологических занятий, которых он не прекращал всю жизнь, позволил ему сохранить целиком либо в значительных фрагментах немало утраченных впоследствии памятников ранней христианской литературы — мартирологической, апологетической, экзегетической и исторической. Далее, Евсевий первым из христианских идеологов сформулировал новый принцип государственного устройства, в основе которого должно быть единство церковной власти и государственного закона. Именно этот принцип стал впоследствии главным во всей императорской политике IV в. и в позднейшем воплощении идеи византийской государственности². Свою политическую концепцию Евсевий лишь отчасти наметил в первом сочинении — «Хронике», в незначительной степени развил в «Церковной истории», рассмотрев события религиозного значения на фоне событий политических, государственных, и более глубоко обосновал в «Церковной теологии». Та же мысль красной нитью проходит в сочинении, которое нам предстоит рассмотреть и которое завершает его творческий путь, — в «Житии блаженного царя Константина».

Поскольку Константин, прекратив гонения на христиан и предоставив им свободу вероисповедания, оказался миротворцем в отношениях между церковью и государством, то, по мнению Евсевия, в царствование этого императора осуществилось то соединение двух принципов — божественности и государственности, которое необходимо должно стать основой государственного устройства: ведь только такое государство способно охранять людей от злой силы, беспредельно царившей в мире до прихода на землю Христа, но иногда и теперь пытающейся противодействовать силе добра. Свое последнее произведение Евсевий посвящает тому, кто, по его мнению, осуществил такой союз, утверждая в I, 5, что в Константине «бог явил подобие (*eikóna*) единодержавной своей власти». В III, 15 автор высказывает ту же мысль не менее определенно: описывая прием, устроенный Константином епископам в ознаменование двадцатилетия его власти (Константин считал началом своего царствования 305 г. — Т. П.), Евсевий говорит: «То, что свершалось, превосходило всякие описания. Ведь копьеносцы и латники с обнаженными концами мечей охраняли

² Подробнее об этом см.: *H. Berkhof. Kirche und Kaiser. Zürich, 1947; E. Schwartz. Griechische Geschichtschreiber. 2. Aufl. Leipzig, 1959; A. Dempf. Geistesgeschichte der altchristlichen Kultur. Stuttgart, 1964.*

кругом порталы дворца царского, а служители божи без всякого страха шествовали между ними и вступали во внутренние дворцовые покои. . . Казалось, то был образ царства Христова и совершалось во сне, а не наяву».

В соответствии с вышесказанным об идейной направленности этого сочинения и о специфике литературного процесса того времени нам представляется немаловажным выяснить; как соотносится оно с идейно-эстетическими принципами, которые провозглашала «вторая софистика»? Последовательность рассмотрения художественных особенностей этого сочинения такова: от структурных компонентов крупного плана к структурным компонентам более мелкого масштаба.

Прежде всего, обращаем внимание на четырехчастное деление этого «Жития»: оно состоит из четырех книг, приблизительно равных по объему³, причем такое деление следует признать не вполне логически оправданным. Если в конце каждой книги начиная со II тема завершается в последних главах и новая книга открывается новой темой, то раздел между I и II книгами вторгся в рассказ, посвященный в сущности одной теме — гонениям на христиан, предпринятым Лицинием. Примечательно также, что в первой главе II книги его имя даже не названо, соотносительность же с Лицинием, упомянутым в конце I книги, достигается посредством начальных слов Ὡς δὲ μὲν οὖν ὁ δηλωθεὶς («Оный-то выше означенный. . .», т. е. Лициний). Такой принцип намеренно четырехчастной архитектоники сочинения вряд ли можно считать случайным или мало-значимым: в нем нельзя не усмотреть параллели со структурой главной части Нового завета (четыре канонических евангелия), а также соотносительности с христианской символикой четырех сторон света. Не случайным поэтому кажется в 8 главе I книги довольно пространное описание (в восемь строк), связанное с упоминанием четырех сторон света (при рассказе о том, какие племена и народы покорил Константин за время своего правления). Таким образом, соотносительность с христианской богословской символикой очевидна уже в первых, внешних признаках архитектоники сочинения Евсевия.

Обратимся теперь к рассмотрению жанровой формы. Как известно, иногда уже в заглавии произведения в той или иной мере бывает выражена его жанровая определенность. Согласно лучшим рукописям: Cod. Vatic. gr. 149 (V), X в., Mosq. gr. 50 (J) (ГИМ), Marcian. gr. 339 из Библиотеки кардинала Виссариона в Венеции, XIV в. (M), Parisin. gr. 1432 г., сочинение Евсевия называется Εἰς τὸν βίον τοῦ μακαρίου Κωνσταντίνου βασιλέως — «На житие блаженного царя Константина». В «Библиотеке» Фотия⁴ читаем такой заголовок: Ἡ εἰς Κωνσταντῖνον τὸν μέγαν βασιλέα ἐγκωμιαστικὴ τετράβιβλος («Похвальное четверокнижие на великого царя Константина»).

То обстоятельство, что Фотий особо выделяет слово «четверокнижие», не вызывает у нас удивления. Но какие основания имел он для изъятия из заголовка слова βίος и для добавления эпитета ἐγκωμιαστικὴ? Предлог εἰς в рукописном тексте сочинения Евсевия стоит не случайно: автор, видимо, желает сказать, что он пишет не в полном смысле слова житие, а произведение, близкое к нему. Такой намек находит себе оправдание и объяснение в идейном замысле, который выражен у Евсевия такими словами: «Цель сего предпринятого нами сочинения принуждает нас говорить и писать лишь то, что касается богоугодной жизни» императора (I, 11). Именно это обстоятельство позволяет Евсевию умолчать о тех позорных

³ I книга — 898 строк (59 глав); II — 944 строки (73 главы); III — 1164 строки (66 глав) и IV — 967 строк (75 глав) в издании, формат которого почти равен теубнеровскому.

⁴ Photius. Bibliothèque, cod. 127. T. II. Paris, 1960.

не только для государственного правителя, но и вообще для всякого человека поступках, как, например, убийство Константином старшего сына Криспа, второй жены Фавсты, племянника Лициниана, философа Сопатра⁵. Иными словами, автор не стремился к всестороннему, всеохватывающему описанию жизни и деяний покойного императора⁶. И он имел на это основания, ибо, как увидим, он писал произведение не биографического характера, а похвальную речь, энкомий царю, известный еще со времен Исократы и Ксенофонта и получивший у древних греков название βασιλικὸς λόγος («царская речь»). Характерные черты энкомия — однозначность оценки героя и равномерно поддерживаемая напряженность интонации. Итак, уже первый признак похвальной речи оправдывает, объясняет и узаконивает тенденциозный подбор положительных сведений и фактов при полном исключении отрицательных.

Какими же средствами достигает автор цели — прославления императора? Идет ли он новым путем в создании панегирика или следует своим предшественникам? Для ответа на этот вопрос рассмотрим сперва композицию сочинения Евсевия, сопоставив ее с правилами сочинения «царских речей», которые сохранил нам греческий ритор III в. н. э. Менандр в трактате «Об эпидиктических речах»⁷. Для эпохи «эллинистического возрождения» характерно, что в качестве образца, достойного подражания, Менандр называет похвальную речь Исократы «Евагор» (§ 220) и правила составления таких речей выводит из опыта древнегреческих панегиристов. Согласно Менандру, композиция похвальной речи царю должна следовать такому плану: вступление; 1 глава — о родине будущего героя (§ 215); 2 — о том, каков его род (§ 216, 217); 3 — о рождении его (§ 218); 4 — о детских годах и воспитании героя, его характере и душевных свойствах (§ 219); 5 — прославление военных и гражданских подвигов царя (§ 222—225, 228), его справедливой законодательной деятельности (§ 227); 6 — приближаясь к окончанию речи, следовало поведать о счастливой судьбе царя, окруженного сонмом прекрасных наследников — его сыновей, а также о том, что все друзья благосклонны к нему и копыеносцы готовы ради него подвергнуться опасности (§ 229); 7 — в заключение необходимо было провести последнее сравнение — антитезу, т. е. противопоставить его царствование тем, которые были прежде; наконец, пожелать процветания его стране и детям (§ 230).

Повествование Евсевия в главнейших пунктах⁸ выдерживает план, рекомендуемый Менандром, если не считать того, что 5 пункт разделен на два и даны они в большом отрыве один от другого: военные подвиги

⁵ Об этом сообщают Григорий Турский в «Истории франков» (I, 36), Зосим в «Новой истории» (2, 29 и 40), Евтропий в «Бревиарии» (10, 4 и 6).

⁶ О тенденциозном отборе материала Евсевий напоминает неоднократно: I, 9 (конец), 10 (начало), 11 (конец) и III, 59 наиболее откровенно: «Приняв за правило — не приводить на память ничего дурного. . .»; он умалчивает о «каких-то письмах Константина, навлекавших бесславию на антиохийцев, желавших, чтоб Евсевий стал епископом их города».

⁷ *Rhetores Graeci*, ed. L. Spengel. Lipsiae, v. III, 1856.

⁸ Вот основные темы в повествовании Евсевия: развернутое предисловие из 11 глав, разделяющееся на три части: гл. 1—2 — *θρησκός* по поводу смерти Константина; гл. 3—9 — доказательство того, что Константин — избранник божий на императорском троне, гл. 10—11 — понимание автором задач, которые он ставит себе при написании этого сочинения. Затем о воспитании Константина при дворе тиранов Диоклетиана и Максимиана (гл. 12), о роде, к которому принадлежал Константин, особенно об отце его Констанции (гл. 13—21); гл. 22—24: как Константин стал императором не без воли божией; о военных победах Константина над варварами и решении его избавить Рим от тирании Максенция (I, 25—26, II, 10), о благосклонности его к христианам и о том, как он увидел на небе крест с надписью «сим победиши» (I, 27—40). Согласно Менандру, особо следовало сказать о внутренних качествах царя; Евсевий видоизменяет этот тезис, уделяя основное внимание образу Константина как христианского служителя богу (I, 42—44, II, 3, 4, 6, 8, 12—14, 17—47, 55—60); он говорит также о Константине и начале арианства (II, 61—73); о Никейском соборе (III, 6—16) и т. д.

кратко перечислены в 8 главе I книги, а потом более подробно описаны в I, 25 и IV, 5—7; им предшествует рассказ о деяниях Константина в отношении мирских лиц (IV, 1—4). Помимо того, содержание эпилога, сообразно с главной целью Евсевия — прославить христоролюбивого императора, дополнено новой темой, развитой в IV, 74, о том, что чтимый им бог воздал ему по достоинству.

Таким образом, жанровая форма и композиция «Жития блаженного царя Константина» свидетельствуют о том, что, следуя общему культурно-историческому движению того времени — «эллинскому возрождению», автор ориентировался в значительной степени на образцы древнегреческой литературы. Но в то же время, стремясь создать произведение, новое по идейной направленности, произведение во славу императора, ка-кого еще не бывало во всей истории ромеев, ибо Константин являет собою образец христианской жизни и христианского благочестия (I, 3, 4), Евсевий прибегает к широкому использованию авторских отступлений: почти в каждой главе он настойчиво говорит о благочестии (εὐσεβεία) императора в исповедании единого бога христиан и о его неизменно покровительственном отношении к христианам; именно под углом зрения такой τῆς εὐσεβείας автор оценивает все поступки императора.

Но не только посредством подобных комментариев прославляет автор нравственные качества Константина. На протяжении двух третей повествования он изображает своего героя в действии: почти каждое, а тем более значительное, деяние императора выделено в особую главу, и в большинстве случаев автор не ограничивается пересказом того или иного распоряжения императора: он приводит дословный текст его указов, письменных посланий, не смущаясь подчас большим объемом этих документов, охватывающим порой десять и более глав⁹. С необыкновенной тщательностью приведен документальный материал, касающийся религиозной политики Константина: он составляет около четверти объема всего сочинения (67 глав из 273). В подлинности этих документов сомневались некоторые исследователи конца XIX в.¹⁰, но после возражений И. Хайкеля и О. Зека авторство Константина уже не оспаривается¹¹.

Своеобразный «документальный» материал, дополняющий список посланий и указов императора, — скрупулезное описание картины (III, 3), нарисованной, по утверждению Евсевия, самим Константином цветными (вероятно, восковыми. — Т. II.) красками и помещенной над дворцовым порталом. На этой картине император изобразил самого себя, начертав над головой крест, а под ногами — пронзенного стрелой и низвергающегося в морскую пучину дракона, что символизировало победу императора с помощью спасительного знамения, одержанную им над дьяволом — врагом рода человеческого, пытавшимся, по убеждению христиан, разжечь войну против них посредством гонений.

Как известно, такой демонстрационный метод, отдающий предпочтение убедительным доказательствам деяний героя, впервые в греческой литературе провозгласил Исократ: «В речах должно показывать только поступки людей»¹². «Каким иным способом можно показать храбрость, мудрость и вообще всю доблесть Евагора, если не через его поступки и описание опасностей, которым он подвергался?»¹³. Таким образом, в обри-

⁹ II, 24—42: послание Константина правителям Палестины о благочестии к богу и о христианстве; II, 46; II, 48—60: о заблуждении многобожников; II, 64—72: послание епископу Александру и пресвитеру Арию; III, 12, 17, 20, 30—32, 62, 64, 65; IV, 9—13, 16, 27, 35, 42, 62.

¹⁰ Например: А. Crivelluci. Della fede storica di Eusebio. Roma, 1888.

¹¹ I. A. Heikel. Op. cit., p. LXVI ff.; O. Seeck, in: «Zeitschrift für Kirchengeschichte», XVIII, S. 321 ff.; E. Schwartz. Griechische Geschichtschreiber. 2. Aufl. Leipzig, 1959, S. 574.

¹² Isocr., Evag., 190D.

¹³ Ibid., 202A.

совке внутреннего облика героя Евсевий пользуется методом, выработанным древнегреческим автором, которого «вторая софистика» признавала образцом, достойным подражания.

Далее, для языческих авторов, писавших похвальные речи царю, традиционны были сравнения героя с прославленными мифологическими героями и великими деятелями древней истории¹⁴. Евсевий не сравнивает Константина ни с одним мифологическим персонажем, но зато сопоставляет его со знаменитыми героями древней истории — персидским царем Киром и Александром Македонским. Автор посвящает этому сравнению две главы I книги (7 и 8), особо выделяя его заголовком главы 7, которая так и называется *ὁ ὑχριστός*. Но в то же время, проводя идею, что христианская религия уходит своими корнями в религию иудейскую (доказательства этой мысли Евсевий дал в «Хронике», в первых главах «Церковной истории» и в «Евангельском приготовлении»), автор сравнивает Константина с ветхозаветным Моисеем, посвящая этому сравнению целиком всю главу 12 первой книги. И если сопоставление с Киром и Александром дается однажды (главы 7 и 8 в сущности представляют собой единое целое, так как в 7 речь идет только о Кире и Александре, а в 8 — о Константине, противопоставленном им), то сопоставление с Моисеем проводится неоднократно (кроме I, 12, еще в I, 19, 20, 38, 39; II, 12). И если в первом случае сравнение перерастает в антитезу (Константин лучше Кира и Александра по всему ряду сопоставлений), то второе сравнение призвано доказать нечто общее в судьбах Константина и Моисея: оказывается, Константин, будучи еще ребенком, рос и воспитывался при дворе тиранов, так же как Моисей в дни своей юности; в зрелом же возрасте некоторые деяния Константина весьма схожи с деяниями Моисея: «Как во времена Моисея. . . , бог ввергнул в море колесницы фараоновы и войска его, и в Черном море погрузил отборных всадников¹⁵, так, подобно камню, пали во глубине вод Максенций и бывшие с ним латники и копьеносцы» (I, 38)¹⁶.

Но, прославляя первого христианского императора, Евсевий использует не только традиционные для древнегреческой и иудейской литературы сравнения, указанные выше; заключительным аккордом звучат в IV, 72 совершенно необычные сопоставления. Словно отталкиваясь от философской идеи бытия как непрерывной цепи возрождения, он сравнивает Константина с птицей Феникс, противопоставляя ей Константина, ибо Феникс возрождает самого себя, а Константину наследуют три его сына. И вместе с таким сравнением, перерастающим в антитезу, Евсевий находит сравнение, устанавливающее сходство, подобие Константина. . . самому Христу: он утверждает, что Константин «уподобился спасителю своему, который, как зерно пшеницы, умножившись из одного себя, по благословению божию, произрастил колос и своими плодами наполнил всю землю» (IV, 72). Такое сравнение не удивительно: оно вытекает из указанной выше концепции Евсевия, согласно которой в царствование Константина осуществилось соединение божественного и государственного закона в один нерушимый принцип императорской власти. Несмотря на эти нововведения в характер повествования, касающиеся, как видим, содержания при использовании художественного приема, а не его структуры, все же на основании методов изложения материала, композиции и некоторых приемов в обрисовке образа можно утверждать, что Евсевий сочинил похвальное слово императору в духе древнегреческих

¹⁴ *Menander*, 216, 219, 220.

¹⁵ Исход, 14.

¹⁶ Имеется в виду переход войск Максенция через Тибр по соединенным каким-то образом судам, скрепления между которыми внезапно разошлись не после перехода войск, а во время, и поэтому все воины утонули.

панегириков, основная, характерная черта которых — тенденциозный подбор фактов.

Другая характерная черта похвального слова — постоянно поддерживаемая напряженность интонации — также сильно выражена в произведении Евсевия; достигается она посредством антитез. Их типы весьма различны: лексические, грамматические (синтаксические, когда сложносочиненные и сложноподчиненные предложения строятся на противопоставлении, вводимом словами $\mu\acute{\epsilon}\nu$ — $\delta\acute{\epsilon}$, $\sigma\acute{\upsilon}\kappa \mu\acute{o}\nu\omicron\nu$. . . , $\alpha\lambda\lambda\acute{\alpha} \kappa\alpha\iota$, η . . . $\tilde{\eta}$), композиционные (как при описании некоторых ситуаций, так и в построении образов).

При доказательстве роли антитез последуем от композиционных к лексическим. Примеры антитез в обрисовке положительных и отрицательных образов находим в I, 5, 7, 8, 13, 47, 49, 50—52, 58, 59; II, 4, 11, 12, 15, 16; III, 1: далее противопоставления образов не наблюдается, ибо Константин победил всех соперников по трону и стал единовластным правителем.

Указанное выше красноречивое противопоставление Константина Киру и Александру Македонскому было, так сказать, частным противопоставлением, своеобразной данью многовековой литературной традиции. Но и в новом материале, словно следуя совету Менандра сравнивать как можно чаще, но к месту (§ 229), Евсевий изыскивает способы противопоставить положительный образ Константина отрицательным образам и особо подчеркивает это уже в заголовке тех глав, где такое противопоставление проводится, например в I, 4 («О том, что Константин готовился к войне молитвами, а Лициний гаданиями»), в III, 1 («Сравнение благочестия Константинова с нечестием гонителей»). Сравнение это, перерастающее в антитезу, выражено таким образом: первые 14 фраз из 15, составляющих данную главу, построены на антитезе $\sigma\acute{\iota} \mu\acute{\epsilon}\nu$ — $\acute{\omicron} \delta\acute{\epsilon}$. В последней фразе, не связанной антитестически с предшествующей, даны зато две лексические антитезы $\varphi\omega\tau\acute{o}\varsigma$ — $\acute{\epsilon}\kappa \sigma\acute{o}\tau\omicron\upsilon\varsigma$ («свет из мрака») и $\acute{\alpha}\delta\acute{\epsilon}\omega\nu$ $\pi\lambda\eta\theta\acute{\upsilon}\varsigma$ — $\theta\epsilon\omicron\varphi\iota\lambda\tilde{\eta}$ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\alpha$ («толпа безбожников — боголюбивый царь»).

Отец Константина, Констанций Хлор, в образе которого автор с удовлетворением отмечает благочестие и благосклонное отношение к христианам, противопоставляется трем его соправителям — Максимиану, Северу и Максимиனு, а также Диоклетиану и Максенцию. Насколько последовательно и настойчиво проведено это противопоставление, можно судить по I, 13, где из шести фраз первые пять построены на антитезе, подчеркнутой словами $\sigma\acute{\iota} \mu\acute{\epsilon}\nu$ — $\acute{\omicron} \delta\acute{\epsilon}$.

Из антитез, посредством которых описываются те или иные ситуации, укажем примеры в I, 10—12, 22, 26, 27, 45, 50, 52, 57, 58; II, 3, 9 (о том, что один из воинов Константина, несших знамя с изображением креста, бросил его, бежал и был убит, а другой пребывал в вере и спасся), 15, 16, 44, 45, 61—63 (возникновение ересей Ария и мелетиян и послание Константина по этому поводу о мире), 73 (в конце главы); III, 3—6, 13, 23 («Но между тем, когда повсюду воцарился мир, у египтян продолжалась еще непримиримая распря»), 59 (о возмущении, которое Евстафий возбудил в Антиохии: «Но между тем, когда при таких обстоятельствах все жили благодушно и церковь божия везде и у всех народов всячески возвышалась, враждебная добру зависть снова восстала против столь счастливого течения дел»).

Примеры синтаксических антитез считаем нецелесообразным приводить в этом небольшом исследовании; достаточно сказать, что из общего числа предложений в I книге, равного 242, 131, фраза построена на антитезах (заголовки, написанные самим Евсевием, в данном случае не учитываются). Более разрежены лексические антитезы; в одной только I книге их 45 пар. Иногда лексическая антитеза служит основой антитезы синтаксической, например первое слово первой фразы сочинения Евсевия (« Ἄρτι μὲν — «недавно») противопоставлено первому же слову второй фразы ($\nu\upsilon\tilde{\nu}\iota \delta\acute{\epsilon}$ —

«а ныне») и в целом благодаря ряду лексических антитез в этих фразах (ποθῶν μὲν — ἀπορῶν δέ, ἔῶ — ἐσπέρα, γῆς — οὐρανός) и особому подбору слов напряженность интонации и смысл первых двух фраз достигают в своем выражении высшего апогея: «Недавно весь род человеческий славословил великого царя в праздничных пиршествах по случаю второго и третьего десятилетий его власти. . . А ныне слово в устах немеет, хотя и жаждет поведать нечто привычное, но не знает, как прозвучать, уstraшенное чудом необычайного зрелища» (I, 4).

Такие примеры различного рода антитез и глубокая насыщенность ими авторского текста свидетельствуют, в сколь значительной мере сочинение Евсевия пронизано риторикой, что вполне соответствовало одному из принципов, провозглашенных идеологами «второй софистики». Но и второй принцип этого культурно-исторического движения поздней античности — насыщенность сочинения философским материалом — также очевиден в произведении Евсевия: рассуждения, относящиеся порою к области философии бытия смертных и бессмертных вещей в I, 3, 26 и в IV, 64, 67 (близкие, впрочем, к рассуждениям неоплатоников)¹⁷, но несравненно чаще к области христианского богословия, составляют около трех процентов общего объема сочинения. Таким образом, если даже в такой далекий от философской проблематики жанр, каким было похвальное слово императору, Евсевий ввел философский материал, следовательно, автор стремился сочетать формальные признаки риторического произведения с философским содержанием. В осуществлении такого синтеза, как известно, представители «второй софистики» усматривали одно из главных достоинств сочинения; следовательно, Евсевий удовлетворяет и этому требованию приверженцев «эллинистического возрождения».

Итак, Евсевий — один из первых христианских писателей, который вполне сознательно использует опыт древнегреческой литературы в технических средствах выражения мысли. Заимствуя средства выражения, выработанные древнегреческой литературой, Евсевий подчиняет их своей главной цели писателя-христианина — прославлению императора, который первым из всех римских императоров прекратил гонения на христиан и царствование которого, по мнению Евсевия, олицетворяет образ царства Христова на земле (I, 5 и III, 15). В соответствии с этой целью и новой для его современников идеей имперской теологии автор вводит в свое повествование некоторые новые структурные и тематические элементы: четырехчастное деление произведения, в чем нельзя не признать параллели со структурой главной части Нового завета; помимо того, не боясь отступлений от классического канона похвального слова, он дает обширный документальный материал и новые объекты для сопоставления своего героя. Иными словами, на основе самых общих, выработанных в античной классике правил построения похвальных речей Евсевий создает такое произведение, которое свидетельствует о весьма смелых и действенных попытках христианского автора найти новые возможности художественного выражения.

¹⁷ О платонизме Евсевия см.: A. Dempf. Der Platonismus des Eusebius, Victorinus und Pseudo-Dionysius. München, 1962.